

К вопросу о времени и истории в свете генетической феноменологии

Михаил А. Белоусов

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия*

*Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Томск, Россия, mishabelous@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика времени и истории в генетической феноменологии Гуссерля. Проблематизируя тезис Хайдеггера, согласно которому историчность мышления осталась совершенно чужда гуссерлевской феноменологии, а позиция Гуссерля по отношению к истории исчерпывается критикой историцизма в программной статье «Философия как строгая наука», автор демонстрирует принципиальную значимость проблематики историчности в проекте генетической феноменологии. Переход Гуссерля к генетической феноменологии представлен как попытка преодоления разрыва между анализом темпоральности опыта и статическим описанием структур субъективности, не учитывающим ее временной характер. При этом модель исторического времени в смысле генетической феноменологии задается понятиями седиментации и хабитуализации. Показана феноменологическая амбивалентность истории как процесса проблематизации и депроблематизации смысла. Исходя из этого, автор эксплицирует историзированную форму двойной бухгалтерии, которая представляет собой синтез феноменологической проблематизации и непроблематичности нефилософской жизни. Тематизируется структурное соответствие интерпретации двойной бухгалтерии в генетической феноменологии хайдеггеровскому истолкованию истины и события как единства раскрытия и сокрытия. Отталкиваясь от этого соответствия, в заключительной части статьи автор раскрывает параллелизм гуссерлевской и хайдеггеровской модели исторического времени, включающий в себя дилемму генезиса и события.

Ключевые слова: Гуссерль, Хайдеггер, генетическая феноменология, время, история, генезис, событие

Для цитирования: Белоусов М.А. К вопросу о времени и истории в свете генетической феноменологии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 4. С. 33–45. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-4-33-45

Revisiting time and history in light of genetic phenomenology

Mikhail A. Belousov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

National Research Tomsk State University

Tomsk, Russia, mishabelous@gmail.com

Abstract. The article examines the problematics of time and history in Husserl's genetic phenomenology. By challenging Heidegger's thesis that the historicity of thinking remained completely alien to Husserl's phenomenology, and that Husserl's position on history is exhausted by his critique of historicism in his seminal article "Philosophy as a Rigorous Science", the author demonstrates the fundamental significance of the problematic of historicity in the project of genetic phenomenology. Husserl's transition to genetic phenomenology is presented as an attempt to bridge the gap between the analysis of the temporality of experience and a static description of the structures of subjectivity that ignores its temporal nature. The model of historical time within the context of genetic phenomenology is defined by the concepts of sedimentation and habitualization. The phenomenological ambivalence of history as a process of problematization and deproblematization of meaning is demonstrated. Based on this, the author explicates a historicized form of double bookkeeping, which represents a synthesis of phenomenological problematization and the unproblematic nature of non-philosophical life. The structural correspondence between the interpretation of double bookkeeping in genetic phenomenology and Heidegger's interpretation of truth and event as a unity of unconcealment and concealment is thematized. Building on this correspondence, in the concluding section of the article, the author reveals the parallelism between Husserl's and Heidegger's models of historical time, which includes the dilemma of genesis and event.

Keywords. Husserl, Heidegger, genetic phenomenology, time, history, genesis, event

For citation: Belousov, M.A. (2026), "Revisiting time and history in light of genetic phenomenology", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 33–45, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-4-33-45

Введение

С момента своего возникновения в текстах Гуссерля феноменология заявила о себе как философия, в центре которой находится феномен времени. Первые гуссерлевские штудии, посвященные этой проблеме, появляются уже в 1890-е гг. – начиная

с самых ранних текстов, проблематика времени и темпоральности становится одной из главных областей феноменологического исследования, и по мере эволюции мысли Гуссерля ее значимость только возрастает.

Известный парадокс развития гуссерлевской феноменологии состоит, однако, в том, что для напрашивающегося перехода от анализов сознания времени к феноменологии истории Гуссерлю потребовалось около 30 лет и (как сказал бы док Браун) все его наследство. За этот период, в том числе благодаря программным текстам самого Гуссерля, прежде всего статье «Философия как строгая наука»¹, успел сформироваться своего рода культурный образ гуссерлевской феноменологии как философии, которой, если воспользоваться формулировкой Хайдеггера из известного письма к Ричардсону, совершенно чужда историчность мышления [Richardson 2003, р. XIV–XV]. Хотя это представление устарело чуть более 100 лет назад благодаря разработке проекта генетической феноменологии в текстах Гуссерля начала 1920-х – проекта, в фокусе которого находится феномен историчности смысла, сознания, науки и философии – оно оказалось удивительно устойчивым и подпитывалось авторитетом выдающихся учеников Гуссерля, в первую очередь, конечно, авторитетом Хайдеггера. Слепота Хайдеггера к гуссерлевской феноменологии историчности примечательна и заслуживает отдельного исследования – очевидно, для него эта феноменология исчерпывалась «Философией как строгой наукой» и сформулированной там критикой историцизма, которую, как заявляет Хайдеггер в 1925 г. в курсе «Прологомены к истории понятия времени», «следует признать невозможной и которая вызвала вполне обоснованный ужас *Дильтея*»². Хотя тональность высказываний Гуссерля в этой статье действительно подталкивала к такому прочтению, остается удивительным, что они были восприняты Хайдеггером как последнее слово Гуссерля об истории и историчности несмотря на очевидный динамизм гуссерлевской феноменологии, а также известный факт, что Гуссерль предоставлял своим ученикам возможность ознакомиться с результатами его последних исследований, иначе говоря, не прерывал выпуска апдейтов. В процитированном выше месте из письма Ричардсону (1962), т. е. спустя почти 40 лет после «Прологомен» и почти через 25 лет после смерти Гуссерля Хайдеггер снова ссылается на «Фи-

¹ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. М.: Территория будущего, 2005. С. 187–240.

² Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. С. 128.

лософию как строгую науку» [Richrdson 2003, р. XIV–XV], словно вся генетическая феноменология была потеряна для него и будто он ничему не научился из опыта скачанных апдейтов.

Шок, испытанный Гуссерлем при прочтении «Бытия и времени», равно как и слепота Хайдеггера к генетической феноменологии указывают, однако, не только на взаимное непонимание и даже неосведомленность об актуальных разработках друг друга, но также, по-видимому, свидетельствуют о том, что Гуссерль и Хайдеггер практически одновременно (с конца 1910-х и на протяжении 1920-х), параллельно и независимо друг от друга исследовали корреляцию времени и истории как кардинальную проблему, от решения которой зависит судьба феноменологии. При этом по причинам, затронутым выше, генетическая феноменология исторического времени, развернутая в поздних текстах Гуссерля, по-прежнему остается в тени проекта, реализованного в «Бытии и времени». Исходя из этого, в своем исследовании я хотел бы – разумеется, лишь эскизно – наметить решение двух задач. В первую очередь – в этом заключается *основная задача исследования* – в статье предпринята попытка очертить понимание историчности в генетической феноменологии Гуссерля и тематизировать двойную функцию истории как процесса проблематизации и депроблематизации смысла. *Во-вторых*, отталкиваясь от амбивалентного характера истории в смысле генетической феноменологии, в заключительной части исследования я постараюсь также показать своеобразный параллелизм гуссерлевской и хайдеггеровской моделей исторического времени, включающий в себя то, что можно было бы назвать дилеммой генезиса и события.

От времени к истории

Переход Гуссерля от статической к генетической феноменологии часто рассматривают как попытку преодолеть разрыв между анализом временной структуры сознания и неисторичным описанием корреляции переживания, смысла и предмета, которое ведется без учета ее темпорального измерения и потому как бы вырывает опыт из единого потока переживаний [Luft 2002, р. 117]. Иначе говоря, гуссерлевский анализ времени до обращения к проблематике генетической феноменологии ограничивался пределами отдельного переживания или живого настоящего [Luft 2002, р. 118], представляющего собой растяжение непосредственно воспринимаемого настоящего первичной памятью и первичным

ожиданием³. Поэтому он оставался еще формальным и статическим [Sokolowski 1970, p. 162] и не позволял тематизировать временность потока сознания в целом, т. е. историю сознательной жизни за пределами живого настоящего, равно как и историчность интересубъективного взаимодействия. Таким образом, статический анализ затрагивал только верхний слой того, что на самом деле является многослойной структурой жизни сознания, и требовал дополнения посредством деформализации темпоральности, которая делала бы возможной раскрытие глубинного измерения истории субъективности и экспликации ее статического уровня как спрессованного времени [Luft 2002, p. 118].

Это означает, что переживание и то, на что оно направлено, обладает не только временной структурой, но и временным генезисом, ввиду которого, как пишет Гуссерль в «Формальной и трансцендентальной логике» «каждое смысловое образование можно опросить на тему *сущностно принадлежащей ему смысловой истории*»⁴. В генетической феноменологии, тем самым,

...ставится вопрос об имманентном единстве временности жизни, которая имеет в нем свою «историю» таким образом, что при этом каждое отдельное переживание сознания как появляющееся во времени имеет свою собственную «историю», т. е. свой *временной генезис*⁵.

Модель, используемая Гуссерлем для реконструкции этого генезиса, определяется, как известно, понятиями седиментации т. е. осадения и застывания прошлого опыта и хабитуализации т. е. его превращения в привычку соотв. готовый смысл, которым мы автоматически оперируем как само собой разумеющимся, не отдавая себе отчета в его историчности [Luft 2002, p. 118]. Например, предвосхищения, которые определяют смысл актуально воспринимаемого (скажем, я вижу фасад дома только благодаря предвосхищению возможного видения его других, невидимых в данный момент сторон) и которые представляют собой простейший случай того, что Гуссерль называет горизонтом, являются своего рода привычками, проистекающими из осадения предшествующего опыта [Geniusas 2012, p. 103]. Но это не эмпирико-психологическое описание, в духе

³ Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. С. 39.

⁴ Husserl E. Formale und Transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. S. 184.

⁵ Ibid. S. 277–278.

Юма оперирующее атомизированными ощущениями, а также не каузально-эмпирическое исследование источников смыслового содержания сознания, отождествление которого с генетическим анализом отвращало раннего Гуссерля от генетической постановки вопроса⁶, но попытка раскрыть сущностную – априорно-трансцендентальную – историю смысла. В ней параллельно известному статической феноменологии порядку фундирования одних переживаний и их предметов в других переживаниях и их предметах, в силу которого, например, нечувственное восприятие (именуемое категориальным созерцанием) имеет своим необходимым, но недостаточным условием (фундаментом) чувственное⁷, выстраивается порядок ступеней генезиса. Так – гуссерлевский пример из «Формальной и трансцендентальной логики» – номинализированный предикат (проще говоря, свойство, занявшее в предложении место самой вещи, такое как «красное» (*das Rot*)) генетически, но не статически отсылает к предикату в обычной, неноминализированной форме («это яблоко красное»)⁸.

Переход к генетической феноменологии, тем самым, трансформирует понимание горизонта, вне которого, как показывает пример с восприятием дома, невозможно даже простейшее восприятие. Он становится уже не просто совокупностью «статических» отсылок от одного опыта к другому в соответствии с некоторым предзаданным смыслом (когда, как в приведенном примере с домом, видимая сторона вещи отсылает к невидимой), но также цепью исторических отсылок от данного смысла к смыслам скрытым, которые вплетены в само его становление [Паткуль и др. 2024, с. 92]. Статическая феноменология выводила из игры вопрос о существовании предмета, но сохраняла предпосылку данности смысла, служившего ей путеводной нитью для анализа, нацеленного на прояснение перехода от пустого, лишнего наглядности смысла к смыслу, реализующемуся наглядно (как в случае, когда ранее невидимая сторона дома становится видимой) и того, как мы переходим от вторичных модусов наглядности (скажем, воображения дома) к первичным (восприятию дома)⁹. Напротив, генетическая феноменология выводит из игры не

⁶ См. напр.: *Гуссерль Э. Логические исследования*. Т. II. Ч. I: Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Академический проект, 2024. С. 34.

⁷ Там же. Ч. 2: Элементы феноменологического прояснения познания. С. 168–172.

⁸ *Husserl E. Formale und Transzendente Logik*. S. 184.

⁹ *Ibid*. S. 277–278.

только существование предмета, остающееся подвешенным из-за невозможности полной наглядной реализации смысла соотв. возможности возникновения конфликтов, его разрушающих (когда, например, вторжение нового восприятия показывает, что дом мне только снился), но и сам готовый смысл, поскольку ставит вопрос о том, как он возникает в истории сознания [Хельд 2009, с. 22–23; Blumenberg 2018, S. 152].

Поставить такой вопрос – значит лишить подразумеваемый смысл его предзаданного характера и возвести его к более элементарным смысловым единицам, которые он предполагает, соотв. к опыту, осаждением которого он является. Гуссерль называет эту процедуру отстраиванием (*Abbau*), поскольку она, как это сформулировал Себастьян Люфт, движется в направлении, противоположном телеологии интенциональности, устремленной к осуществлению цели соотв. наполнению пустого смысла опытом, и разбивает компактную структуру предзаданного смысла на примитивные элементы, определившие его становление, но осевшие в истории сознательной жизни [Luft 2002, p. 118]. *Abbau* есть деструкция как историзация готового смысла, другими словами, развертывание горизонта в качестве спрессованной истории.

Здесь, однако, обнаруживается характерная трудность. Если история – это процесс седиментации/осаждения смысла, и, следовательно, процесс его застывания, т. е. превращения в нечто готовое, привычное и само собой разумеющееся, то деисторизация как маскировка историчности смысловых образований есть конститутивный момент самой историчности. Следовательно, историзировать смысл – значит пойти против истории. С другой стороны, поскольку историчность без деисторизации невозможна, историзировать можно только то, чему присуща латентная историчность как латентная, т. е. как такая, в отношении которой мы должны также быть наивными, принимая ее за само собой разумеющуюся или, что то же самое, не узнавая в ней историчности. Это значит, что лишь поскольку я нахожусь в определенной, случайной и притом непрозрачной для меня исторической ситуации, а не вне ее и не над ней, или, только потому, что я имею исторические предрассудки, которые, как пишет Гуссерль в «Формальной и трансцендентальной логике», не есть предрассудки в отрицательном смысле¹⁰, я *могу* раскрывать сами вещи посредством возвращения к ним и никак иначе – при самих вещах невозможно пребывать, но можно только возвращаться к ним из забвения, принадлежащего сущности истории.

¹⁰ *Husserl E. Formale und Transzendente Logik. S. 244.*

Итак, тут возникает круг, аналогичный тому, который зафиксирован Гуссерлем в «Кризисе»: понимания истоков нововременной науки «можно полностью достичь лишь исходя из данной нам науки в ее сегодняшнем обличье», хотя «без понимания *начал* это развитие, как *развитие смысла*, ничего не может нам сказать»¹¹. Гуссерлевское решение этой проблемы заключается, как известно, в методе «зигзагообразного» движения, при котором исследование постоянно уходит вперед (к исторической ситуации исследования) и возвращается назад (к истокам), так что «относительная проясненность на одной стороне способствует некоторому освещению другой, которая теперь, в свою очередь, изливает свой свет на противоположную»¹². Зигзагообразное движение, таким образом, представляет собой необходимый круг исторической интерпретации, который есть не что иное, как генетическая (историзированная) форма двойной бухгалтерии [Чернавин 2018, с. 27], т. е. постоянного перехода от непроблематичности нефилософской жизни к ее философской проблематизации и обратно, составляющего сущность феноменологии в гуссерлевском смысле. В таком случае, однако, эта двойная бухгалтерия есть в то же время двойная бухгалтерия самой истории, поскольку история есть единство двух ее конститутивных моментов: становления – подвижности – смысла, которая его расшатывает, и тем самым делает проблематичным и осаждения – застывания – смысла, которое его депроблематизирует. История есть генезис-как-седиментация, иными словами, она есть синтез феноменологического (генезис смысла) и естественного (застывший смысл) видения мира. Такой синтез, однако, не гарантирован и не может быть дан непосредственно, так как история есть маскировка истории и должна еще только быть отвоевана у себя самой феноменологией, впервые являющей двусмысленность истории и потому впервые превращающей историю в историю. Конечно, феноменология при этом не творит историю, но лишь снимает различие между явлением и бытием и, следовательно, различие между собственным способом явления (превращением латентного в явное) и собственным способом быть. Сделать латентную историчность явной – значит позволить ей *быть* историчностью в собственном смысле слова.

¹¹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия: Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 87.

¹² Там же.

Алетейя, событие, генезис

Необходимое «самоскрытие» истории, обращающее непрозрачную историческую ситуативность в конститутивную черту феноменологического движения «к самим вещам», обнаруживает, по-видимому, своеобразный параллелизм и возможности взаимообогащения генетической феноменологии и хайдеггеровской интерпретации историчности в текстах до «поворота». Если сами вещи скрыты *самими собой* как вещи историчные, то можно сказать, что не только я не могу пребывать при самих вещах до того, как они будут скрыты и искажены, но и сами вещи не могут пребывать при себе, ибо они есть лишь постольку, поскольку сами себя искажают и становятся самими собой (хотя никогда не могут стать самими собой вполне из-за неустранимости искажения) только если (что остается лишь возможностью) им посчастливится обнаружить себя, пройдя через это искажение и вырвавшись из него. Для самих вещей быть – значит обнаруживать себя (*sich zeigen*)¹³, а обнаруживать себя – значит вызревать, впадая во время (*sich zeitigen*)¹⁴, и тем самым становясь собственной историей. Сами вещи (*Sachen selbst*), будучи всегда уже скрытыми собой (своей историей), всегда уже еще не есть сами вещи в собственном (*eigentlich*) смысле¹⁵, и превращение их собственного (*eigen*) смысла, который всегда уже потерян, в собственный смысл есть *Er-eignis*¹⁶, событие в смысле того, что будет названо Хайдеггером а-летейей¹⁷, самим превращением скрытого в явное, т. е. превращением самих вещей в сами вещи. Иначе говоря, тому, что сами вещи всегда уже есть – их собственному смыслу – еще только предстоит (если предстоит) возникнуть.

Событие тогда – не столько невозможный опыт, сколько возникновение прошлого (того, что *всегда уже* есть) из будущего (того, чего никогда еще нет)¹⁸. Но это странное единство прошлого, которое является прошлым для всякого возможного, а не просто того или иного настоящего, и поэтому, возникая лишь из воспоминания, является прошлым, которое никогда не было настоящим, и буду-

¹³ Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. S. 28.

¹⁴ Ibid. S. 304.

¹⁵ Ibid. S. 263.

¹⁶ Heidegger M. Zur Bestimmung der Philosophie. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1987. S. 75.

¹⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 222.

¹⁸ Там же. С. 326.

щего, которое никогда не станет настоящим и должно навсегда остаться только предвосхищением, перестанет быть таким непонятным, если учесть, что оно характеризует то, что, как мы видели, Гуссерль, а вслед за ним и Хайдеггер, описывают при помощи метафоры горизонта. Уже приводившийся выше, хотя и очень грубый, пример с восприятием показывает, что горизонт – это возможность (возможность увидеть невидимую сейчас сторону вещи), но не логическая (пустая), а определенная возможность, определенная пустота или возможность опыта (это видно уже из того, что сама определенность того что я сейчас вижу («я вижу фасад дома») зависит от определенности ожиданий, в контекст которых вплетено видимое). Если возможное определено, то оно, конечно, уже есть, но оно потому и возможное, что еще не есть. Это подразумевает, что только через движение к предвосхищаемому будущему, именуемое осуществлением, то, что уже есть, возникает (становится тем, что есть) и это движение есть движение в прошлое или воспоминание.

Впрочем, здесь как будто становится очевидным расхождение между гуссерлевским генезисом и хайдеггеровским событием в текстах до «поворота». Генезис предполагает, что неисторический характер горизонта в смысле отсутствия настоящего (прошлого настоящего) опыта, из которого он проистекает, соответственно, в смысле того, что он всегда уже есть, есть лишь необходимая иллюзия, порождаемая самой историей и выступающая условием возможности доступа к истокам смысла. Процедура отстраивания снимает (но не уничтожает) эту иллюзию, возводя горизонт к его истокам в настоящем опыте. Напротив, событие требует от феноменологии работать с загадкой прошлого, которое и в самом деле никогда не было настоящим, и следовательно, такой историчностью, которую уже нельзя понять по модели седиментации, но которая все равно характеризуется возникновением прошлого из будущего.

Тем не менее генезис и событие связаны друг с другом, что ясно из того, что исходный опыт всегда уже замаскирован седиментацией, а значит, вовсе ей не предшествует как нечто непосредственное т. е. есть прошлое, которое никогда не было настоящим и возникает только из будущего. Иными словами, постольку, поскольку искажение всегда уже произошло, оно никогда не возникало из предшествующего ему неискаженного опыта – следовательно, седиментация в известном смысле отменяет сама себя, переходя в событие, а событие, как историческое, отсылает к генезису, в котором случайный опыт ретроактивно становится необходимым [Tengelyi 2015, S. 189].

Переплетение генезиса и события характеризует как гуссерлевское, так и хайдеггеровское понимание истории – у Гуссерля есть

фигура события, а у Хайдеггера – фигура генезиса. Центральной проблемой гуссерлевской феноменологии и в поздний период остается существование мира как то, вера во что не проистекает из осаждения опыта и привычки, но загадочным образом всегда уже есть [Савин 2024, с. 51]. В «Бытии и времени» Хайдеггер связывает историчность с рождением¹⁹ – той чертой *Dasein*, что оно находит себя в мире, который всегда уже интерпретирован и артикулирован, не являясь какой-то данностью – а рождение связывается с наследием, отвечающим на вопрос о том, откуда берутся соответствующие возможности интерпретации²⁰. И хотя наследование – это не гуссерлевская седиментация, оно, в известном смысле, является ее формальным эквивалентом, поскольку подразумевает генеративность (отношение между поколениями) и историческую передачу опыта. Деструкция истории онтологии возводит унаследованный состав античной онтологии «к изначальному опыту (*auf die ursprünglichen Erfahrungen*), из которого были добыты первые и с тех пор ведущие определения бытия»²¹, а это означает, что деструкция является практически точным формальным эквивалентом гуссерлевского *Abbau*.

Радикальные различия в гуссерлевском и хайдеггеровском понимании опыта я вынужден оставить здесь без всякого дальнейшего разъяснения. Но как генезис, так и событие показывают, что вера в самотождественную истину самих вещей, не нуждающуюся ни в какой истории, есть проявление нетерпения, требующего невозможного, «ибо ненавидит мыслящий Бог преждевременное созревание».

Источники

Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия: Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. М.: Территория будущего, 2005. С. 187–240.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Часть I: Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Академический проект, 2024.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Часть 2: Элементы феноменологического прояснения познания. М.: Академический проект, 2024.

¹⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 373.

²⁰ Там же. С. 383.

²¹ Heidegger M. Sein und Zeit. S. 22.

- Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
- Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998.
- Heidegger M. Zur Bestimmung der Philosophie. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1987.
- Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001.
- Husserl E. Formale und Transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981.

Литература

- Паткуль и др. 2024 – Паткуль А.Б., Артеменко Н.А., Крюков А.Н., Фролов А.В., Чернавин Г.И. Феноменологическое понятие мира: Колл. монография / Под ред. А.Б. Паткуля. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РХГА, 2024. 416 с.
- Савин 2024 – Савин А.Э. Что такое феноменология // Что такое феноменология: Колл. монография / Науч. ред. Н.А. Артеменко. Томск: Изд-во ТГУ, 2024. С. 41–63.
- Хельд 2009 – Хельд К. Бог в феноменологии Эдмунда Гуссерля // Ежегодник по феноменологической философии. 2009/2010. [Вып. II]. М.: РГГУ, 2010. С. 15–30.
- Чернавин 2018 – Чернавин Г.И. Непонятность само собой разумеющегося. СПб.: М.: Центр гуманитарных инициатив: Добросвет, 2018. 244 с.
- Blumenberg 2018 – Blumenberg H. Phänomenologische Schriften 1981–1988. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2018. 519 S.
- Geniusas 2012 – Geniusas S. The Origins of the Horizon in Husserl's Phenomenology. Dordrecht: Springer, 2012. 243 p.
- Luft 2002 – Luft S. Husserl's Notion of the Natural Attitude and the Shift to Transcendental Phenomenology // *Analecta Husserliana*. 2002. Vol. 80. P. 114–119.
- Richardson 2003 – Richardson W. Heidegger. Through Phenomenology to Thought. New York: Fordham University Press, 2003. 778 p.
- Sokolowski 1970 – Sokolowski R. The Formation of Husserl's Concept of Constitution. The Hague: Martinus Nijhoff, 1970. 250 p.
- Tengelyi 2015 – Tengelyi L. Welt und Unendlichkeit. Zum Problem phänomenologischer Metaphysik. Freiburg/München: Karl Alber, 2015. 604 S.

References

- Blumenberg, H. (2018), *Phänomenologische Schriften 1981–1988*, Suhrkamp Verlag, Berlin, Germany.
- Chernavin, G.I. (2018), *Neponyatnost' samo soboi razumeiushegosya* [The Oddity of what is taken for granted], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Dobrosvet, Saint Petersburg, Moscow, Russia.

- Geniusas, S. (2012), *The Origins of the Horizon in Husserl's Phenomenology*, Springer, Dordrecht, Netherlands.
- Held, K. (2010), "God in Edmund Husserl's Phenomenology", *Annual for Phenomenological Philosophy*, 2009/2010, iss. 2, RGGU, Moscow, Russia, pp. 15–30.
- Luft, S. (2002), "Husserl's Notion of the Natural Attitude and the Shift to Transcendental Phenomenology", *Analecta Husserliana*, vol. 80, pp. 114–119.
- Patkul, A., Artemenko, N., Kriukov, A., Frolov, A. and Chernavin, G. (2024), *Fenomenologicheskoe ponyatie mira* [Phenomenological Concept of the World], RHGA, Saint Petersburg, Russia.
- Richardson, W. (2003), *Heidegger. Through Phenomenology to Thought*, Fordham University Press, New York, USA.
- Savin, A.E. (2024), "What is Phenomenology", in Artemenko, N. (ed.), *Chto takoe fenomenologiya* [What is Phenomenology], TGU, Tomsk, Russia, pp. 41–63.
- Sokolowski, R. (1970), *The Formation of Husserl's Concept of Constitution*, Martinus Nijhoff, The Hague, Netherlands.
- Tengelyi, L. (2015), *Welt und Unendlichkeit. Zum Problem phänomenologischer Metaphysik*, Karl Alber, Freiburg, München, Germany.

Информация об авторе

Михаил А. Белоусов, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия; 634050 Россия, Томск, пр. Ленина, д. 36; misha-belous@gmail.com

Information about the author

Mikhail A. Belousov, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; bld. 36, Lenina Avenue, Tomsk, Russia, 634050; mishabelous@gmail.com